
Философия и методология науки

PHILOSOPHY AND METHODOLOGY OF SCIENCE

УДК 001:165.5

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ: ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

В. С. САЙГАНОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются истоки исторической эпистемологии и современные тенденции ее развития как перспективного направления в теории познания. Выявляется проблемное поле исторической эпистемологии, включающей изучение понятий и концептов теории познания в историческом развитии и истории развития объектов научного знания, а также социальных, практических, методологических и технологических условий познания в исторической и культурной динамике. Делается вывод о том, что историческая эпистемология является междисциплинарным теоретическим направлением философской мысли, которое позволяет комплексно исследовать взаимодействие социокультурных факторов развития науки, ее методы, объекты, теории, и рассматривает саму науку как культурную и социальную ценность.

Ключевые слова: знание; истина; научное знание; историческая эпистемология; культурно-историческая эпистемология; социальная эпистемология.

Образец цитирования:

Сайганова В.С. Историческая эпистемология: истоки и современное состояние. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2020;3:26–30.

For citation:

Saiganova VS. Historical epistemology: origin and present state. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2020;3:26–30. Russian.

Автор:

Вероника Святославовна Сайганова – кандидат философских наук, доцент; заведующий кафедрой философии культуры факультета философии и социальных наук.

Author:

Veronica S. Saiganova, PhD (philosophy), docent; head of the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
veros23@yandex.ru

HISTORICAL EPISTEMOLOGY: ORIGIN AND PRESENT STATE

V. S. SAIGANOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Discusses the origins and current trends in the development of historical epistemology as a promising direction in the theory of knowledge. The problem field of historical epistemology is revealed. The main issues of historical epistemology are the study of the concepts of the theory of knowledge in historical development; the history of the development of objects of scientific knowledge; social, practical, methodological and technological conditions of cognition in historical and cultural dynamics. The conclusion is made that historical epistemology is an interdisciplinary theoretical direction of philosophical thought. This direction allows us to comprehensively study the interaction of sociocultural factors in the development of science, its methods, objects, theories, considering science as a cultural and social value.

Keywords: knowledge; truth; scientific knowledge; historical epistemology; cultural-historical epistemology; social epistemology.

Современный этап развития социально-гуманитарного знания определяется многочисленными дискуссиями о влиянии науки и научно-технического способа производства на гуманитарную культуру и социальные практики. В данных дискуссиях продолжает уверенно проявлять себя эпистемологическая проблематика, которая в своем классическом проявлении сопряжена с поиском и формулированием универсальных характеристик истинного, достоверного знания. В начале XX в. социогуманитарный дискурс постепенно сместился в сторону постклассических вариаций эпистемологии, что привело к семантическому и методологическому плюрализму в понимании знания, истины, содержания самой эпистемологии. В итоге современное социально-гуманитарное знание продолжает находиться в процессе самопоиска и самоопределения. Это связано по меньшей мере с несколькими обстоятельствами. Во-первых, современное общество перманентно пребывает в состоянии тотальной зависимости от своей научной и научно-технологической результативности, что выражается в постоянном стремлении к прогрессу и совершенствованию рациональных, научных, производственных практик. Во-вторых, нарастает непредсказуемость природных и социальных процессов из-за сложно контролируемых темпов развития науки и технологий. В связи с этим гуманитарная культура пересматривает само понятие знания, а эпистемология как наука о знании постоянно обнаруживает новые формы своего проявления в культуре.

Если для классической эпистемологии свойственно относительное единство в философском исследовании знания, то постклассические ее вариации представляют собой разноплановые подходы, каждый из которых претендует на уникальность в объяснении природы знания, его структуры и границ. С определенной долей условности и учетом разной степени проявления собственно эпистемологической проблематики можно назвать следующие постклассические направления эпистемологии: эволюционную эпистемологию (К. Поппер,

С. Тулмин, К. Лоренц), натурализованную (В. Куайн, Р. Гир), генетическую (Ж. Пиаже), социальную (А. Шюц, К. Хьюбнер, Д. Блур и др.), феминистскую (С. Хардинг, К. Берад, Д. Харауэй), экспериментальную (А. Пинильос, Ш. Симпсон, У. Бакуолтер, Дж. Шафер и др.), историческую (Г. Башляр, А. Койре, А. Кромби, Э. Мейерсон, Ж. Кангилем, Ж.-Ф. Бронштейн и др.). Данные направления предлагают альтернативные подходы к анализу знания, учитывая разные факторы формирования способов познания, познавательных практик и представлений о достоверном знании.

Особый интерес представляет историческая эпистемология, поскольку она не только вписывается в актуальные тенденции в философии науки (так называемые практический и онтологический повороты, а также поворот к материальному), но и подчеркивает особую значимость исторических процессов для решения современных проблем теории познания. При этом, как отмечают современные исследователи, данное направление обращается не к самой истории теории познания, а к истории научных практик, демонстрируя то, как «эпистемические нормы, принципы, понятия и концепции происходят из этих практик и, в свою очередь, порождают новые способы производства знания и новые формы общественной жизни» [1, с. 155].

Предпосылки исторической эпистемологии восходят к идеям, сформировавшимся в исследованиях в области истории науки и критики позитивизма во Франции в начале XX в. В частности, к истокам исторической эпистемологии можно отнести социологическую программу исследования науки (П. Бурдьё, Л. Пэнто, Ж. Фабиани, Ш. Сулье), представители которой, используя эмпирический материал (тематика, структура и положение академической философии в университетах), подчеркивают маргинальный характер исторической эпистемологии. С одной стороны, она не является приоритетной сферой для академических исследований, а с другой – представляет собой пространство для свободного выбора тем для философской рефлексии над знанием [2, с. 153].

Социологическое направление не ставит перед собой задач расширения проблемного поля и содержания исторической эпистемологии, а больше концентрируется на академических условиях развития эпистемологии как дисциплины.

Также истоки исторической эпистемологии следует усматривать в теоретических исследованиях во французской философии аналитического толка (Ж.-Ф. Бронштейн, П. Анжель, Ф. Реканати). В рамках теоретического подхода (в отличие от социологического) в эпистемологических исследованиях на первый план выходит содержание философских теорий, а не их институциональная реализация. Ж.-Ф. Бронштейн делает акцент на том, что историческая эпистемология во Франции представляет собой философскую рефлексию над историей науки в определенном «французском стиле» [3], что в дальнейшем позволило рассматривать историческую эпистемологию не только в широком контексте французской философии XX в. (Г. Башляр, М. Фуко, Ж. Кангилем), но и в англоязычной философии науки (Я. Хаккинг, П. Галисон). Французская историческая эпистемология не наследует позитивистскую ориентацию и не рассматривает вопросы об основаниях науки, а опирается в своих исследованиях лишь на саму науку (дисциплинарную или академическую) и ее историю. По мере развития и закрепления эпистемологии как академической дисциплины в университетах Франции происходит становление ее как научной философии, и уже к концу XX в. французская эпистемология начинает активно взаимодействовать с аналитической философией. Однако основным ориентиром французской исторической эпистемологии на долгое время закрепляется история науки как предмет и критерий философской рефлексии над научным познанием.

Во второй половине XX в. традиция исторической эпистемологии продолжилась в американской эпистемологической философии М. Вартофски, который соединил исторический подход к истине и принцип моделирования на уровнях индивида и общества для объяснения того, как получается истинное знание. К историческим эпистемологам в определенной степени можно отнести и Т. Куна, так как именно он одним из первых обосновал не только историческую эволюцию науки, выступая против антиисторизма и абсолютизма в рассмотрении критериев научности, но и определил парадигмальную природу научного знания. В философско-методологической литературе иногда происходит сопоставление концептов «парадигма» Т. Куна и «эпистема» М. Фуко, которые были сформулированы с учетом историзма и имеют схожие эпистемологические ориентации.

Также исторический анализ научного познания развивался в марксистской истории и философии науки в западных и советских философско-методо-

логических исследованиях. В рамках западной ветви исторической эпистемологии можно вспомнить Дж. Бернала, который рассматривал науку в широком социально-историческом контексте, выделяя социальные функции научного знания, и условия его формирования, и Г. Фрондентайля, придававшего большое значение анализу истории науки для развития математических теорий. М. Б. Гессен, как представитель советской ветви ранней исторической эпистемологии, изучал проблемы механики в контексте развития науки и техники и развивал экстерналистский подход к описанию истории науки.

Среди современных мыслителей к традиции исторической эпистемологии в западной философии науки можно отнести Я. Хакинга, М. Фридмана, П. Галисона, Г. Хатфилда, Н. Картрайт, Дж. Дюпре и многих других авторов, которые, являясь практикующими исследователями в областях физики, биологии, экономики и др., рассматривают научное знание через анализ его истории. В рамках исторической эпистемологии динамично развивающимся комплексом исследований представлена современная российская философия науки в лице И. Т. Касавина, Б. И. Пружинина, П. П. Гайдено, Н. И. Кузнецовой, И. С. Дмитриевой, Л. А. Микешин, А. А. Печенкина, Б. Н. Поруса, Л. В. Шиповаловой и др. Современная российская историческая эпистемология сосредоточена преимущественно на истории и философии науки, но появляются предпосылки становления такого направления, как исследования науки и технологий.

Основными проблемами исторической эпистемологии в обобщенном виде являются эпистемологические понятия и концепты в историческом развитии; история развития объектов научного знания; тенденции развития научного способа познания; когнитивные, социальные, практические, методологические и технологические условия познания в исторической и культурной динамике. Данные проблемы позволяют констатировать, что историческая эпистемология представляет собой междисциплинарное теоретическое направление философской мысли, которое позволяет комплексно исследовать взаимодействие не только социокультурных факторов развития науки, но и ее методы, объекты и теории.

Историческая эпистемология тесно смыкается с исторической онтологией, которая предлагает в реалистическом ключе интерпретировать истории идей как внутренний поиск философской рефлексии условий и перспектив собственного исторического развития. Особенно интересным является то, что историческая эпистемология соединяет «историю идей с историей развития науки и научных практик производства знания» [4, с. 20], т. е., сохраняя философскую рефлексию, она включает в свое поле эмпирические и экспериментальные практики и ото-

бражает, каким образом эпистемологические нормы и принципы происходят из этих практик и порождают новые способы производства и воспроизводства знания. Говоря о новых способах получения знания, историческая эпистемология обращена не только и не столько в историю, прошлое, сколько в будущее, что позволяет уделять должное внимание перспективам философского осмысления общества, культуры, науки. Историческая эпистемология способна принять вызовы не только прошлого, но и современности, показывая значимость исторических процессов для постановки новых вопросов о науке, знании, их роли в современном обществе и формулировки ответов на эти вопросы.

Сегодня исследования российских ученых в области исторической эпистемологии наиболее актуальны для развития предметного поля философии науки, поскольку существуют серьезные методологические наработки, традиции в рассмотрении историчности как базовой характеристики научного познания (например, историко-генетическая модель научной рациональности, разрабатываемая В. С. Стёпиным, В. Н. Порусом и П. П. Гайденом). Однако, несмотря на кажущуюся ясность и очевидность историчности знания вообще и науки в частности, существует некоторое противоречие между самой историчностью, которая определяется через дискретность в развитии науки, и устоявшимся пониманием научной предметности, системного единства научного познания, инвариантности научных предметов. В контексте этой проблематичности перспективными могут оказаться исследования, направленные на совмещение базовых характеристик научности и их исторической и культурной определенности. Такое совмещение могло бы обеспечить взаимодействие социальных институтов и культурных феноменов, понимание не только внутренней и внешней логики развития науки, но и рисков, неопределенностей, связанных с этим развитием.

В решении этих и других вопросов российская эпистемология, философия науки разделились на два направления, ориентированных на анализ социокультурной обусловленности научного знания: социальную (или социально-историческую) эпистемологию, разрабатываемую преимущественно И. Т. Касавиным, и культурно-историческую эпистемологию, получившую свое обоснование в работах Н. С. Автономовой и Б. И. Пружинина. Рассматривая познание как сложный социальный и культурный феномен, данные направления тематически схожи, но методологически разнятся. Социальная эпистемология описывает реальность современной науки, акцентируя ее включенность во все виды отношений (экономические, правовые и др.) на правах социального института, подчиненного общественным нормам. И. Т. Касавин подчеркивает значение социальных условий познания для существования знания в обществе, где «содержание и форма

знания социальны от начала до конца» [5, с. 908]. В рамках данного направления научное знание выступает полноправным общественным явлением и в системе отношений социального производства имеет идеологизированный статус.

Знание в его субъект-объектной структуре зависит от социальных условий познания, однако акцентируется не просто социальность науки, но ее культурно-историческая ценность – такова установка культурно-исторической эпистемологии, которая находит свои истоки в практике культурной истории, междисциплинарных культурно-психологических исследований, *cultural studies* и философском дискурсе. В целом культурно-историческая эпистемология заимствует у постпозитивизма антинормативную установку, но преодолевает связанный с ней релятивизм, а методологическая норма понимается и используется как инструмент познания. Российские ученые в качестве парадигмы для междисциплинарных исследований подчеркивают эвристичность культурно-исторической эпистемологии. Так, Б. И. Пружинин отмечает, что «культурно-историческая эпистемология акцентирует внимание ученого на историзме его сознания, на его включенности в решение конкретных социокультурных задач и тем самым ориентирует его на расширяющиеся культурные и исторические проекции его работы» [6, с. 140], когда ученый способен увидеть символические смыслы своих конкретных прикладных результатов. Уникальность культурно-исторической эпистемологии, по мнению ее адептов, состоит в том, что ее методология не может быть представлена в традиционной форме, а именно в виде рекурсивного списка предписаний, так как культурно-историческая эпистемология погружена в самую познавательную деятельность и обнаруживает себя как ее важнейшая составляющая лишь в ходе этой работы [6, с. 140].

По-разному социальная и культурно-историческая эпистемология относятся и к истине. Для культурно-исторической эпистемологии истина самоценна и зависит от ценностей культуры, а не от социальных условий и потребностей. Она мыслится как культурно-исторический феномен, стремление к ней является внутренней мотивацией сообщества ученых, а не внешней, навязанной социальными институтами. Таким образом, культурно-историческая эпистемология подчеркивает в познавательном отношении динамику живой науки как культурного феномена, некую произвольность мнений ученых, что предполагает «обсуждение и интерес субъективную проверяемость, нахождение пределов познанного (встречу познанного и непознанного), т. е. непрерывную динамику познанного» [7, с. 272].

Итак, историческая эпистемология является достаточно перспективным направлением современных исследований науки, которое включает описание условий ее генезиса, анализ ключевых проблем

и разработку новых областей применения теоретических конструкций; основывается на принципах неклассического историцизма и дополняет ситуационные исследования науки и анализ ее исторических данных. Следует отметить, что современная историческая эпистемология весьма плюралистична и представляет собой неоднородный феномен. Социальные и культурные практики активно используют подходы исторической эпистемологии, исследования в рамках которой насыщены многими коннотациями теорий социального конструктивизма, терминологией современной социологии и философии науки. Возможность полилога исследовательских стратегий, обмен смыслами между несо-

вместимыми методами анализа знания, открытость для нового и допустимость альтернативных способов интерпретаций истории науки – особенности исторической эпистемологии. Данная ее специфика не исключает непредсказуемость результата исследования, наличие рисков, но и дает возможность для открытий в исследовании науки. Современная историческая эпистемология больше напоминает проект, который открыт новым проблематизациям, разработкам исследовательских программ междисциплинарного взаимодействия и конструктивной научной коммуникации, основанной на творческом поиске и признании науки исторической, социальной и культурной ценностью.

Библиографические ссылки

1. Шиповалова ЛВ. Современная историческая эпистемология. Аналитический обзор направления исследований. *Цифровой ученый: лаборатория философа*. 2018;1(4):153–167. DOI: 10.5840/dspl20181453.
2. Соколова ТД. Историческая эпистемология во Франции: к истории формирования дисциплины. *Эпистемология и философия науки*. 2019;56(1):150–168. DOI: 10.5840/eps201956113.
3. Braunstein J-F. Historical Epistemology, Old and New. In: Braunstein J-F, Schmidgen H, Schöttler P, editors. *Epistemology and history. From Bachelard and Canguilhem to today's history of science*. Paris: Max Planck Institute for the History of Science; 2012. p. 33–41.
4. Шиповалова ЛВ. О возможности совместимости историчности и объективности научного знания. *Вестник СПбГУ*. 2012;6:19–23.
5. Касавин ИТ. Социальная эпистемология. В: Касавин ИТ, редактор. *Энциклопедия эпистемологии и философии науки*. Москва: Канон+ РООИ «Реабилитация»; 2009. с. 907–912.
6. Пружинин БИ. Знание как ценность: этюд по культурно-исторической эпистемологии. *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2014;1:135–141.
7. Щедрина ТГ. Культурно-историческая эпистемология и социальная эпистемология: два пути к реальности. В: Автономова НС, Щедрина ТГ, редакторы. *Культурно-историческая эпистемология: проблемы и перспективы. К 70-летию Бориса Исаевича Пружинина*. Москва: Российская политическая энциклопедия; 2014. с. 262–272.

References

1. Shipovalova LV. Contemporary historical epistemology. An analytical review of research directions. *The digital scholar: philosopher's lab*. 2018;1(4):153–167. DOI: 10.5840/dspl20181453. Russian.
2. Sokolova TD. Historical epistemology in France: to the history of the discipline's formation. *Epistemology and philosophy of science*. 2019;56(1):150–168. DOI: 10.5840/eps201956113. Russian.
3. Braunstein J-F. Historical Epistemology, Old and New. In: Braunstein J-F, Schmidgen H, Schöttler P, editors. *Epistemology and history. From Bachelard and Canguilhem to today's history of science*. Paris: Max Planck Institute for the History of Science; 2012. p. 33–41.
4. Shipovalova LV. [On the possibility of compatibility of historicity and objectivity of scientific knowledge]. *Vestnik SPbGU*. 2012;6:19–23. Russian.
5. Kasavin IT. [Social epistemology]. In: Kasavin IT, editor. *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of epistemology and philosophy of science]. Moscow: Canon + ROOI «Rehabilitation»; 2009. p. 907–912. Russian.
6. Pruzhinin BI. Knowledge as a value: an essay on cultural-historical epistemology. *Humanities research in the Russian Far East*. 2014;1:135–141. Russian.
7. Shchedrina TG. [Cultural-historical epistemology and social epistemology: two paths to reality]. In: Avtonomova NS, Shchedrin TG, editors. *Kulturno-istoricheskaya epistemologiya: problemy i perspektivy. K 70-letiyu Borisa Isayevicha Pruzhinina* [Cultural-historical epistemology: problems and prospects. To the 70th anniversary of Boris Isaevich Pruzhinin]. Moscow: Russian political encyclopedia; 2014. p. 262–272. Russian.

Статья поступила в редколлегию 15.07.2020.
Received by editorial board 15.07.2020.